

(«Ванька-Танька», «Проводы» и т. п.), завоевав признание и любовь читателя. В дальнейшем же поэт не учел бурного роста культуры советского народа в период социалистического строительства и, продолжая творить в прежней форме, начал терять свою популярность.

Ориентировка на старую поэтическую традицию в народном творчестве без учета современного ее восприятия и новых достижений советского фольклора привела талантливого поэта А. Прокофьева к стилизованному изображению русской деревни, на что в свое время указывалось в критических статьях.

Советское народно-поэтическое творчество не стоит на месте, оно постоянно обогащается новыми темами, идеями и изобразительными средствами. И художник, чтобы не отстать от эстетических запросов своего народа, должен внимательно следить за этими изменениями.

Авторы рецензируемого сборника останавливают внимание на использовании современными поэтами жанров и изобразительных средств советского фольклора. Обращение А. Твардовского к произведениям советского народно-поэтического творчества периода Великой Отечественной войны (пословицам и поговоркам, частушкам, устным рассказам, плясовым припевам и т. д.), в сочетании с большим мастерством самого поэта, обеспечило огромный успех «Василию Теркину» и другим его произведениям.

Советские поэты не только питают свое творчество лучшими достижениями устной поэзии, но и сами обогащают ее, создавая песни, которые органически сливаются с нею. В связи с этим в сборнике значительное место отведено проблеме фольклоризации песен советских поэтов.

Различна судьба песен, перешедших в устное бытование: одни из них живут в народе без изменений, другие подвергаются незначительным изменениям. Понравившаяся песня иногда вызывает к жизни новые варианты, в которых продолжает развиваться основной поэтический образ. Нередко на известную мелодию, с использованием ритмики песни-образца, создается совершенно новое произведение.

В исследованиях, объединенных в сборнике, прослеживается судьба таких песен, как «Проводы» Демьяна Бедного, «Катюша», «И кто его знает» М. Исаковского и др.; отмечается, что «Василий Теркин» А. Твардовского был продолжен многими непрофессиональными авторами, пожелавшими досказать его судьбу.

Конечно, не все статьи, вошедшие в сборник «Русская советская поэзия и народное творчество», написаны на одинаковом научном уровне. Однако для всех авторов характерно стремление проследить творческие пути поэтов, отметить своеобразие их творческого метода в использовании фольклора, в ряде случаев дать новые оценки их произведениям. Правда, не всегда авторам удается избежать крайностей. Так, Вл. Бахтин, справедливо отвергая допущенную критикой неверную оценку творчества А. Прокофьева, впадает в ошибку, оставляя почти без внимания вопрос о стилизации, злоупотреблении лексикой блатного и морского жаргонов, характерных для многих произведений талантливого поэта, написанных в 1930-х годах.

Рассматриваемые работы, опубликованные в 1955 г., вносят много нового и интересного в решение проблемы взаимосвязи литературы и фольклора, взаимодействия индивидуального и коллективного творчества. Они окажут несомненную помощь литературной молодежи в овладении поэтическим мастерством. Надо надеяться, что в ближайшем будущем появятся новые работы, посвященные изучению этой интересной и важной проблемы, в которых вопросы художественного метода писателей и поэтов, обращающихся к народной поэзии, будут вскрыты с еще большей ясностью и полнотой.

Б. П. Кирдан

А. Н. Москаленко. *Памятники древнейшего прошлого Верхнего и Среднего Дона*. Воронеж, 1955.

Издание брошюры А. Н. Москаленко очень своевременно, т. к. давно уже ощущалась необходимость в опубликовании обобщающей научно-популярной работы о памятниках далекого прошлого Воронежской области.

Работы С. Н. Замятина «Очерки по доистории Воронежского края» (1922) и Н. В. Валукинского «По следам древних предков» (1940) давно уже стали библиографической редкостью и отчасти устарели по охвату фактического материала.

Во введении автор брошюры знакомит с основными видами памятников материальной культуры и с методами археологических разведок и раскопок. В каждом из четырех разделов брошюры, в которых материал разбит по определенным историческим периодам, А. Н. Москаленко говорит о том, когда и кем изучались памятники данной эпохи, но все же отчетливого представления о различии условий археологической работы при царизме и после Великой Октябрьской социалистической революции не получается.

Нельзя сказать, чтобы памятники воронежской старины не привлекали внимания и в дореволюционную эпоху, но каких-либо попыток более или менее систематического

обследования тогдашней Воронежской губернии в археологическом отношении со стороны центральных научных учреждений предпринято не было.

Следовало бы упомянуть местных археологов-энтузиастов, активистов Воронежской Ученой архивной комиссии, которые нередко на свои личные средства производили археологические раскопки — С. Е. Зверева и др. Но лишь в советское время, когда археологические работы в нашей стране получили невиданный размах, в Воронежской области из года в год стали разрабатываться археологические экспедиции — Института истории материальной культуры АН СССР, Воронежского университета и Воронежского Музея краеведения. Правда, ряд памятников ждет еще исследования. По эпохам археология Воронежской области также изучена далеко не равномерно.

А. Н. Москаленко правильно уделила особое внимание памятникам каменного века, посвятив им весь первый раздел своей брошюры. Прославленные стоянки и погребения в с. Костенки Гремяченского района с остатками жилищ родовых общин и инвентаря имеют, конечно, исключительное значение.

Вызывает возражение определение А. Н. Москаленко многослойных стоянок: «Многослойные стоянки возникали в тех случаях, когда люди покидали свое поселение, а затем снова на него возвращались» (стр. 18). Дело не в этом, а в передвижениях населения, когда сменялись представители различных ступеней культурного развития. Находка негроида на Маркиной Горе может свидетельствовать о том, что в эпоху позднего палеолита на Средний Дон проникали обитатели южных областей.

Второй раздел брошюры трактует о памятниках бронзового века Верхнего и Среднего Дона. Здесь А. Н. Москаленко несколько рассеивает внимание читателя излишне подробным перечислением памятников, находок и имен исследователей. Было бы лучше подробнее остановиться на наиболее характерных объектах. Сама А. Н. Москаленко принимала участие в исследовании памятников бронзового века на территории Воронежской области, но обобщить в отчетливой форме результаты изучения бронзового века ей не удалось.

Третий раздел брошюры посвящен результатам археологического исследования городищ и курганов раннего железного века. Автор знакомит, в частности, с некоторыми выводами своих раскопочных работ на городище у села Архангельское. Видное место уделено памятникам скифского периода, в первую очередь — Частым Курганам. Раскопки Частых Курганов начаты были в дореволюционное время; последние раскопки относятся к 1954 и 1955 гг. Вскрыты 24 кургана, давшие чрезвычайно богатый и показательный материал.

В брошюре помещены рисунки некоторых металлических изделий этого периода: серебряная ваза, бронзовый котел, изображение орла, сделанное из золотых пластин (рис. 10—14).

Относительно этнической принадлежности населения Верхнего и Среднего Дона эпохи раннего железа А. Н. Москаленко замечает, что вопрос этот остается невыясненным, причем большинство исследователей считает, что здесь жили нескифские племена — либо будины, либо меланхлены, о которых говорит Геродот.

Интересно сообщение А. Н. Москаленко, что еще в 1930-х г. на песчаных холмах, называемых Бугриками, расположенных на правом берегу Дона около хутора Титчиха, местными колхозниками были обнаружены золотые вещи ювелирной работы, которые могут быть отнесены к сарматскому периоду. Сотрудниками Воронежского Музея краеведения был произведен осмотр Бугриков, и многие предметы, найденные колхозниками, были приобретены Музеем. Автор приводит предположение, что на Бугриках на рубеже нашей эры находилось сарматское кладбище. А. Н. Москаленко высказывает сожаление, что Бугрики специально не раскапывались (стр. 51); но в первую очередь надо бы высказать сожаление, что воронежские археологи до сих пор не подвергли исследованию этот объект, сулящий интересные материалы.

Четвертый раздел брошюры рассказывает о славянских археологических памятниках Верхнего и Среднего Дона, расположенных главным образом на территории Воронежской области, в том числе о городищах и курганных могильниках (Большое Борщевское городище, Михайловское городище, Борщевский могильник и др.). В 1954—1955 г. археологической экспедицией Воронежского государственного университета, под руководством А. Н. Москаленко, были произведены раскопки городища у хутора Титчиха, которые дали любопытные материалы по устройству городища, его укреплений, жилищ, а также соответствующий инвентарь (см. рисунки 15, 17, 18). Материалы раскопок дают возможность в известной степени реконструировать хозяйственный и общественный строй донских славян VIII—X вв., их погребальные обряды (сожжение); однако А. Н. Москаленко чрезмерно осторожна в своих выводах. Так, при характеристике общественного строя славян вряд ли можно было ограничиться общей фразой: «Надо полагать, что к VIII веку имелась имущественная и социальная дифференциация» (стр. 61); не высказывает автор и своего мнения о племенной принадлежности донских славян (вятичи или северяне).

Конец раздела посвящен кратко описанию Маяцкого городища, расположенных около него селища и бескурганного могильника с погребениями в подземных камерах и обнаруженного в них разнообразного инвентаря. Автор не делает, к сожалению, никаких попыток определения маяцкого культуры и этнической принадлежности ее носителей, ссылаясь на «недостаточную изученность памятников» (стр. 65). Очень странно звучит следующая фраза: «Несомненно одно — маяцкая культура по харак-

теру оборонительных и жилых сооружений, по типу погребальных памятников и по характеру встреченных во время раскопок вещей безусловно отличается от славянской культуры борщевского типа». К чему это «доказательство от противного»? В библиографии А. Н. Москаленко отмечает ряд работ о маяцкой культуре (включая публикации 1954 года) и тем самым отсылает к ним читателя, никак его не ориентируя. Вопрос о салтово-маяцкой культуре немалое дебатировался в научной литературе. Одни авторы связывали памятники этой культуры с аланами, другие — с хазарами¹, и А. Н. Москаленко следовало бы определить свое отношение к существующим в науке взглядам.

В заключение автор призывает к более широкому изучению памятников всех эпох на территории Верхнего и Среднего Дона, в числе первоочередных задач намечая составление археологической карты Верхнего и Среднего Подонья и опубликование материалов археологических разведок, раскопок, а также случайных находок.

К брошюре приложена обстоятельно составленная библиография. Следует только отметить пропуск интересной статьи проф. Б. Ф. Поршнева «О древнейшем способе получения огня» («Советская этнография», 1955, № 1), так как свои эксперименты с высеканием кремневого огня Б. Ф. Поршнев провел именно в Костенковской археологической экспедиции. Совсем не упомянуты работы акад. Ю. В. Готье.

В виде приложения помещена схема расположения археологических памятников на Верхнем и Среднем Дону. Общее количество рисунков (19) явно недостаточно; очень скуден иллюстративный материал по Костенковскому палеолиту (не помещены, например, изображения жилищ и погребений, обнаруженных в 1952—1954 гг.).

С трудной задачей обобщить в доступной форме (притом на 76 страницах!) обильный и разнообразный археологический материал по Воронежскому краю А. Н. Москаленко справилась в общем удачно.

Издание научно-популярной литературы такого рода, по археологии отдельных областей Советского Союза, знакомящей широкие круги читателей с прошлым страны и с достижениями исторической науки, несомненно, следует приветствовать.

И. Н. Бороздин

НАРОДЫ АФРИКИ

Mbonu Ojike. *My Africa*. London, 1955, стр. 237.

Книга «Моя Африка» представляет интерес уже потому, что она написана африканцем. К сожалению, и в середине XX в. это все еще редкость. Мбону Ожике (Мбону — личное имя, Ожике имя отца) — один из молодых, энергичных политических деятелей Нигерии. Он принадлежит к народу ибо, к той его части, которая называется арочуку или просто аро, и книга его посвящена описанию жизни своего народа — ибо. Это своеобразная энциклопедия этнографических знаний об ибо; читатель найдет в ней характеристику, хотя и краткую, всех сторон жизни ибо.

Автор начинает с описания семьи своего отца и своего детства. Его отец (атана) был деревенским старшиной, получившим должность по наследству от своего отца. Он был богатым человеком, купцом. «Его агенты покупали табак, ром и другие европейские товары на побережье и продавали их во внутренних районах; он торговал также товарами местного производства. В более ранние времена он поддерживал коммерческие и политические связи с крупными городами...» (стр. 37). До освобождения рабов у него было их несколько. Он имел десять жен, 19 сыновей и 31 дочь. Его хозяйство (на стр. 33 дан его план), огороженное высокой стеной, включало 12 жилых помещений, расположенных на некотором расстоянии одно от другого, несколько хранилищ и «дом богов».

Мбону Ожике подробно описывает систему религиозных верований ибо. Он решительно протестует против отнесения их к «язычникам». У ибо есть своя религия. «Если необходимо найти слова для обозначения этой религиозной системы, с тем чтобы сделать ее более понятной для тех, кто любит дефиниций, то это слово — *Отепана*» (стр. 150). Слово «апа» буквально означает «земля, на которой мы стоим». Оно употребляется как отвлеченное понятие для обозначения такого широкого комплекса явлений, как земля, почва, обычаи, традиции, закон, конституция. Это то, на чем зиждется народная жизнь. «Поступай в соответствии с конституцией страны или всеобщим благом называется *Отепана*» (стр. 150). Существует единый бог, он не подобен человеку, он не видим, это дух. Ибо называют его *Чинеке*. Частица этого духа находится в человеке, и этим он отличается от животных. Эта частица называется *Чи*. Каждый человек имеет свое *Чи*, это его персональный бог, который живет в нем, пока он не умер. Кроме общего бога — *Чинеке*, у каждого человека есть, следова-

¹ Известно, что непомерное увлечение ролью хазар и хазарского каганата в истории нашей страны подвергнуто было серьезной критике.